

Первая русская манифестация

Александр Кибовский

В России массовые шествия как способ выражения политической позиции стали популярны на волне революции 1905 года. Но самую первую такую манифестацию 26 сентября 1825 года организовали ещё будущие декабристы в связи с гибелью их единомышленника подпоручика Константина Чернова: на дуэли он смертельно ранил блестящего аристократа флигель-адъютанта Владимира Новосильцева.

С ранней юности Владимир Новосильцев был, как казалось, настоящим баловнем судьбы. Его мать Екатерина Владимировна, урождённая графиня Орлова, души не чаяла в единственном сыне, не жалея для него никаких средств. Мальчик получил лучшее по тем временам образование в иезуитском пансионе аббата Николя, вырос высоким стройным красавцем со всеми манерами светского аристократа. Володя замечательно танцевал, отлично фехтовал, играл на кларнете. Прямо как у Пушкина:

*Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.*

22 января 1818 года Владимир стал корнетом в самом роскошном лейб-гвардии Гусарском полку, служба

в котором требовала больших денег. Но чтобы сын не тяготился казармой, мать устроила его адъютантом к главнокомандующему 1-й армией барону фон Остен-Сакену. Летом 1822 года Александр I назначил поручика Новосильцева своим флигель-адъютантом. Володя стал самым молодым офицером свиты, в которой в то время в основном состояли участники славных походов 1812–1814 годов. Радости и гордости матери не было предела.

О стремительной карьере Новосильцева я вспомнил несколько лет назад, когда увидел в Национальном художественном музее Республики Беларусь акварель работавшего в России французского художника Ансельма Франсуа Лагрене (Anthelme François Lagrenée). На ней изображён молодой флигель-адъютант, который, судя по форме, числился в лёгкой кавалерии. Акварель поступила в музей в 1954 году как портрет Коновницына. В 2008 году решили,

▲ Флигель-адъютант Владимир Дмитриевич Новосильцев. Посмертная акварель Михаила фон Хельда, ок. 1830 года. Государственная Третьяковская галерея. Ранее: портрет офицера

▲ Флигель-адъютант Владимир Дмитриевич Новосильцев. Акварель Ансельма Франсуа Лагрене, 1822–1825 годы. Национальный художественный музей Республики Беларусь. Ранее: портрет графа П. П. Коновницына

что это декабрист граф Пётр Коновницын. Но он служил в Генеральном штабе, а не в кавалерии и никогда не был флигель-адъютантом. В то же время все детали картины, в том числе кларнет на столе и сходство с посмертным портретом, не оставляют сомнений: на акварели в Минске изображён Владимир Новосильцев в 1822–1825 годах.

Ещё один портрет Новосильцева, написанный по акварели Лагрене, обнаружился в Третьяковской галерее. Это небольшая работа немецкого художника Михаила фон Хельда (Michel von Held), который посетил Россию в 1829–1832 годах. Круглый портрет он сделал по заказу безутешной матери, которая до конца дней винила себя в гибели сына.

Обласканный столичным светом и императорским двором, Владимир был завидным женихом. Мать гордилась им и не жалела средств, чтобы сын казался богачом. Никто не догадывался, что, имея две тысячи душ крепостных и сорок тысяч рублей годового дохода, экс-графиня ради блеска влезла в долги почти на два миллиона рублей! Но это показное богатство позволяло ей высокомерно смотреть на потенциальных невест.

Зимой 1820 года Владимир страстно увлёкся юной красавицей княжной Марией Урусовой. «Её небесные черты» покорили даже Пушкина, который посвятил девушке стихотворение «Кто знает край, где небо блещет». Но мать от-

ложила своё благословение на год, на самом деле желая сорвать свадьбу из чванства: «Ну что, бедная девушка, Володя может претендовать на первые партии в России!» В итоге Урусова 12 июля 1822 года вышла замуж за графа Ивана Мусина-Пушкина, а затем, овдовев летом 1836 года, стала через два года женой будущего знаменитого канцлера князя Александра Горчакова. Поставленный начальством перед выбором — любовь или карьера, князь бросил ради 37-летней красавицы с пятью детьми дипломатическую службу в Вене и вышел в отставку. К счастью, ненадолго.

Летом 1824 года Новосильцев увлёкся Екатериной Черновой — дочерью скромного боевого генерал-майора Пахома Чернова. Родители девушки были рады завидной партии, и в августе Владимир по-домашнему обручился с Екатериной. Но если уж княжна Урусова показала его матери неровней, то такой брак она наотрез отказалась благословлять: «Могу ли я согласиться,

чтобы мой сын, Новосильцев, женился на какой-нибудь Черновой, да ещё вдобавок на Пахомовне, никогда этому не бывать! Не хочу иметь невесткой Чернову Пахомовну, — экой срам!» Сложилась щекотливая ситуация, ведь в столице уже прознали

Он прекратил переписку с невестой и стал избегать Черновых

про грядущую свадьбу, да и сам Владимир держал себя с юной девушкой как жених. Он отправился в Москву, пытаясь уговорить родню. Но, попав дома под мощный пресс матери, отца и деда — графа Владимира Орлова, он прекратил переписку с невестой и стал избегать Черновых.

▼ Несостоявшаяся невеста Новосильцева княжна Мария Александровна Урусова. Миниатюра Морица Даффингера, 1820-е годы. Государственный музей А. С. Пушкина. В 1838 году ради женитьбы на овдовевшей Марии влюблённый князь Александр Горчаков, будущий знаменитый канцлер, бросил карьеру. К этому времени Марии было уже 37 лет, и она имела пять детей. В новом браке она родила Горчакову ещё двух сыновей.

▲ Кондратий Фёдорович Рылеев.
Миниатюра ок. 1825 года
Государственный исторический музей
На роковой дуэли Рылеев был секундантом
своего друга Константина Чернова
и превратил его похороны в манифестацию.

Три брата девушки вступились за честь сестры. Старший Константин, подпоручик лейб-гвардии Семёновского полка, послал Новосильцеву вызов на дуэль в сильных выражениях, предупреждая, что за ним будут драться и остальные братья офицеры. Уязвлённый Владимир принял вызов. С ведома начальника дивизии великого князя Михаила Павловича, который доложил об этом Александру I, в конце ноября 1824 года Константин отправился в Москву. Туда же приехал второй брат, Сергей Чернов. Но секунданты Владимира уже предупредили мать, которая бросилась за помощью к московскому генерал-губернатору князю Дмитрию Голицыну. Тот вызвал дуэлянтов к себе. В результате сошлись на том, что Новосильцев подтвердил своё намерение жениться на Черновой, а мать дала письменное согласие на брак и, кроме того, обещала девушке богатое приданое и 200 тысяч рублей. Константин извинился, порвал свой вызов и затем дружески провёл время

в семье Новосильцевых. Была лишь одна оговорка: свадьбу сыграть через полгода, дабы никто не мог сказать, будто Владимир струсил дуэли и его принудили жениться силой.

Наступил июль 1825 года. Но Владимир так к свадьбе и не приступил, оттягивая её до сентября. Начался обмен письмами, причём в дело вступил друг Чернова декабрист Кондратий Рылеев. Константин был членом тайного общества, и заговорщики следили за ситуацией. Для них личная коллизия семьи Черновых всё больше выглядела как социальный конфликт, «битва московской спеси с петербургской простотой», по выражению декабриста Батенькова.

Между тем мать Новосильцева тайно от сына обратилась к начальнику генерала Чернова главнокомандующему 1-й армией барону фон дер Остен-Сакену. Барон жёстко надавил на Пахома Кондратьевича,

и тот вынужден был послать Владимиру отказ от женитьбы. Но такой поворот возмутил Константина, тот сразу понял истинные причины поведения отца и счёл виновником интриги Владимира. 8 сентября он вызвал его на смертельный поединок: «Стреляюсь на три шага как за дело семейственное, ибо, зная братьев моих, хочу кончить собою на нём, на этом оскорбителе моего семейства, который для пустых толков ещё пустейших людей преступил все законы чести, общества и человечества. Пусть я паду, но пусть падёт и он в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмехались над невинностью и благородством души».

Дуэль состоялась в 6 часов утра 10 сентября 1825 года за Выборгской заставой в парке Лесного института.

▼ Место дуэли Чернова и Новосильцева.
Современный вид
Тумбами отмечено, где стояли противники.

▲ Екатерина Владимировна Новосильцева, урождённая графиня Орлова.
Неизвестный художник, 1830-е годы
Музей В. А. Тропинина и московских художников его времени

Четыре секунданта, среди которых был Рылеев, поставили барьеры на предельно малой дистанции в восемь шагов со сближением по пять шагов до каждого. Первым выстрелил Чернов и попал Новосильцеву в правый бок. Пуля засела внутри, задев печень. Но у Владимира хватило сил сделать через две минуты свой выстрел, попавший Чернову в правую сторону лба. Оба оказались ранены смертельно.

Секунданты дотащили Новосильцева до ближайшей харчевни, но везти в город его уже было нельзя. Приехал хирург Николай Арендт — тот самый, которого зимой 1837 года вызовут к раненому Пушкину. Но напрасно мать обещала ему тысячу душ крепостных (в интернете из-за старой опечатки везде ошибочно пишут про тысячу рублей — это ничтожно мало, за спасение сына мать обещала доктору целое состояние). Агония продолжалась четыре

дня. Всё это время Владимир спрашивал о Чернове, желая ему исцеления. 14 сентября он умер со словами: «Мараууге теге» («Моя бедная мама»).

Чернова отвезли на полковую квартиру, где его до смерти навещали друзья и заговорщики. По почину Рылеева траурное шествие через город 26 сентября превратилось в манифестацию: «Офицеры обществом сложились схоронить товарища великолепно, собрали до 4000 рублей, великий князь прислал 4000 рублей. Гроб стоил более 1000 рублей, мали-

новый, бархатный, с золотым газом. Дроги с балдахином и наверху дворянская корона. Лошади в пополах чёрных с кистями на головах, военная музыка, хор огромный певчих, собор духовенства, более 50 человек с факелами, рота солдат, военных штаб- и обер-офицеров более 500. Сотни карет четвернями, а дрожж парами — счёту нет!»

По городу ходили дерзкие стихи «На смерть Чернова» то ли Рылеева, то ли Кюхельбекера, который порывался их читать на могиле. Но его не пустили, и без них всё было очень политически смело и необычно. Декабрист барон Штейнгель писал о «великолепных похоронах Чернова»: «Они были в каком-то новом, доселе небывалом духе общности. Более 200 карет провожало». Декабрист Батеньков тоже заметил: «Тут представляется нечто новое, похожее на так называемое общее мнение», правда, тут же добавив — «Но да избавит нас Бог от сей заразы!»

Новосильцева перевезла тело сына в Москву и похоронила его в склепе под собором Новоспасского монастыря, где до сих пор сохранился

постамент надгробия. Саму скульптуру в советское время перенесли в собор Донского монастыря. Виня себя за гибель Владимира, мать навсегда надела траур и посвятила остаток жизни молитвам. На месте харчевни, где умер сын, она построила храм Святого Владимира и рядом богадельню. В июне 1932 года храм взорвали. Три корпуса богадельни можно видеть и сегодня по Новосильцевскому переулку.

В июне 1932 года храм взорвали

На месте дуэли в 1834 году установили круглые каменные тумбы, где стояли противники. В советское время они исчезли, но их восстановили в 1960-х. Рядом с тумбами 10 сентября 1988 года в присутствии потомков Черновых открыли стелу с надписью, сообщающей, что «похороны К. П. Чернова вылились в первую массовую демонстрацию».

Невольная причина смертельной дуэли, Екатерина Чернова, в 1832 году успешно вышла замуж за полковника Николая Лемана, дослужившегося затем до генерал-лейтенанта, и родила ему восьмерых детей. ▼

Автор — руководитель
Департамента культуры
города Москвы, кандидат
исторических наук

На смерть Чернова

Клянёмся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царя трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым!
<...>
Клянусь честью и Черновым!
На наших дев, на наших жён
Дерзнёшь ли вновь, любимец счастья,
Взор бросить, полный сладострастия, —
Падёшь, Перуном поражён.
И гроб твой будет в посмеянье!
И гроб твой будет в стыд и срам!
Клянёмся дочерям и сестрам:
Смерть, гибель, кровь за поруганье!